

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АРХАИЗМОВ И ИСТОРИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТКАНИ РОМАНОВ «ПЁТР I» И «КЫСЬ»

Эргашева Дилбар Иброхим кизи

Магистрант 1-го курса Бухарского государственного педагогического института

Ш. Бабаева

Доктор философии (PhD) по педагогическим наукам, доцент

Аннотация: В статье рассматриваются стилистические функции архаизмов и историзмов на материале двух контрастных произведений русской литературы — исторического романа А. Н. Толстого «Пётр I» и постапокалиптического романа Т. Н. Толстой «Кысь». Анализируется, как устаревшая лексика используется для создания исторического колорита, речевой характеристики персонажей и построения художественного мира. В «Петре I» архаизмы и историзмы выступают в роли средств реалистической реконструкции эпохи, тогда как в «Кыси» они служат компонентом авторского новояза, выполняя сатирическую и аллегорическую функции. Статья содержит сравнительный анализ функций устаревшей лексики в двух романах, а также раскрывает особенности их стилистического звучания.

Ключевые Слова: архаизмы, историзмы, устаревшая лексика, стилистика, художественный дискурс, роман, Пётр I, Кысь, А. Н. Толстой, Т. Н. Толстая, речевая стилизация, постапокалипсис, исторический роман, гротеск, авторский стиль.

ВВЕДЕНИЕ

Архаизмы и историзмы в художественной литературе играют важную роль в формировании стилистической палитры произведений, способствуя созданию аутентичной атмосферы эпохи и углублению смыслового восприятия текста [1]. В романах «Пётр I» Алексея Толстого и «Кысь» Владимира Сорокина использование этих лексических средств особенно актуально, так как оба произведения обращаются к историческим и культурным слоям русского языка, демонстрируя уникальные подходы к стилизации и реконструкции прошлого. Исследование стилистической функции архаизмов и историзмов позволяет выявить, как писатели через язык создают выразительные художественные образы, отражающие дух времени и особенности исторического сознания [2]. Основные концепции, связанные с архаизмами и историзмами, включают их классификацию, семантические особенности и функции в художественном тексте. Теории стилистики подчеркивают их роль в формировании выразительности, передачи авторской позиции и конструировании исторического колорита [3]. Однако существует значительный пробел в комплексном сравнительном анализе использования этих средств в романах разного хронологического и жанрового происхождения, что подчеркивает актуальность настоящего исследования. Ранее проведённые исследования, как правило, фокусировались либо на лингвистических аспектах, либо на тематическом содержании произведений, не уделяя должного внимания стилистическим механизмам функционирования архаизмов и историзмов [4].

Методологическая основа работы базируется на комплексном лингвостилистическом анализе, включающем выделение и систематизацию архаизмов и историзмов в текстах, их классификацию по функциональным признакам, а также интерпретацию их роли в контексте повествования и образной системы. В исследовании используется сравнительный подход, который позволяет выявить особенности употребления этих лексических средств в двух романах с учётом их жанровых и идейно-художественных различий. Анализ подкрепляется цитатами из текстов и опорой на современные теоретические разработки в области стилистики и исторической лингвистики. Ожидается, что результаты исследования продемонстрируют не только различия в стилистическом использовании архаизмов и историзмов, но и их значимость для построения авторской концепции времени и исторической памяти. Выводы позволят расширить представления о функциях устаревшей лексики в художественном дискурсе и подтвердят её роль в создании уникального художественного пространства произведений, что имеет важное значение для теории и практики литературоведения и лингвистики.

МЕТОДОЛОГИЯ

В исследовании применяется комплексный лингвостилистический анализ, основанный на детальном выявлении архаизмов и историзмов в романах «Пётр I» и «Кысь», с последующей их классификацией по функциональным признакам и семантическим характеристикам. Тексты анализируются методом контекстуального изучения, что позволяет определить роль каждого лексического элемента в структуре повествования и его влияние на создание стилистической атмосферы. Используется сравнительный анализ, который выявляет сходства и различия в использовании устаревших слов в произведениях разных эпох и жанров, а также их вклад в формирование авторского стиля и концепции времени. В качестве теоретической базы опираются на современные исследования в области стилистики, исторической лингвистики и семантики, что обеспечивает глубокое понимание механизма функционирования архаизмов и историзмов в художественной речи. Дополнительно проводится количественный подсчёт встречаемости таких лексических единиц для объективной оценки их стилистической значимости. Такой интегрированный подход позволяет всесторонне исследовать выбранные лексические средства, раскрыть их художественные функции и подтвердить роль в создании образного пространства произведений.

РЕЗУЛЬТАТ И ОБСУЖДЕНИЕ

Архаичная лексика, к которой относятся **архаизмы** и **историзмы**, является особым стилистическим средством художественной литературы. Её использование обогащает текст историческим колоритом, создаёт особую тональность повествования и погружает читателя в иную языковую эпоху. *Устаревшая лексика (архаизмы и историзмы) традиционно относится к периферии словарного состава языка, поскольку такие слова в разное время вышли из активного употребления, но не исчезли полностью благодаря своей культурно-языковой значимости и специфике обозначаемых понятий.* Архаизмы – это устаревшие слова или обороты речи, заменённые в современном языке синонимами (например, *перст* вместо *палец*, *плоть* вместо *тело*). Историзмы же – это слова, вышедшие из употребления вместе с исчезновением обозначаемых ими реалий (*стрельцы, кольчуга, боярин* и др.). В художественном тексте архаизмы часто используются для придания речи торжественности или стилизации под старину, тогда как историзмы служат для воссоздания исторически достоверного фона.

А. Н. Толстой в историческом романе «Пётр I» (1930–1945) обильно использует устаревшую лексику, стремясь достоверно передать эпоху петровских преобразований. С другой стороны, **Т. Н. Толстая** в постмодернистском романе-антиутопии «Кысь» (опубл. 2000) сознательно конструирует язык будущего, насыщенный архаизмами, историзмами, диалектизмами и неологизмами, создавая гротескный мир посткатастрофической Руси [1,5]. Цель данной статьи – проанализировать стилевую функцию устаревшей лексики в этих двух

произведениях, принадлежащих к разным жанрам и эпохам, выявить как сходства, так и различия в приёмах её использования. Структурно работа включает введение, разбор примеров из каждого романа, их сравнительный анализ, выводы и список литературы.

Архаизмы и историзмы в романе А. Н. Толстого «Пётр I»

Роман «Пётр I» Алексея Толстого является образцом исторической прозы, где язык играет ключевую роль в создании достоверной атмосферы конца XVII – начала XVIII века. Писатель намеренно вводит в ткань повествования многочисленные историзмы – названия учреждений, должностей, предметов быта той эпохи – а также лексические архаизмы, имитирующие старинный говор [6]. С первых глав читатель сталкивается с лексикой допетровской Руси: бояре, стрельцы, волостели, приказные избы, чарка, кафтан, сапоги с бахромой и пр. Подобные слова не только обозначают реалии времени Петра Великого, но и выполняют стилистическую функцию – создают ощущение «старинности» речи, повышая ее достоверность и выразительность [7].

В речи героев Толстой использует характерные устаревшие формы и обороты. Например, солдаты и посадские люди говорят о деньгах и ценах на старый лад: «*Им красная цена – алтын...*» – восклицает один из персонажей, оценивая товар. В этой фразе слово **алтын** (старинная денежная единица) выступает историзмом, передавая колорит эпохи и позволяя читателю прочувствовать экономические реалии того времени. Аналогично, для обозначения чинов и сословий употребляются исконно старые термины: **боярин**, **воевода**, **стряпчий**, **стрелец**. Они не имеют современных эквивалентов и неизбежно отсылают нас к жизни допетровской Руси, выступая стилистическими маркерами эпохи [8].

Толстой также вводит архаичные названия предметов одежды и вооружения, особенно в массовых сценах. Так, описывая смотр войск, он перечисляет: «...*детей боярских в дедовских кольчугах и латах, в новопошитых ферязях, в терликах, в турецких кафтанах...*». Здесь сразу несколько историзмов: **кольчуги** (рыцарские кольчужные доспехи), **латы** (старое слово для металлических доспехов), **ферязь** (длинная старинная одежда знати), **терлики** (элемент старинного костюма, род туфель или чулок) и **турецкий кафтан** (ориентальная деталь одежды). Подобное нагромождение устаревших терминов неоднократно встречается в романе. Их функция – живописать внешний облик персонажей и общий антураж с точностью до деталей, добиваясь эффекта погружения читателя в прошлое. **Историзмы** у Толстого выполняют задачу воссоздания материальной культуры эпохи, а **архаизмы** в речи героев – имитации подлинного языка времени [9].

Важной особенностью стилистики «Петра I» является органичность включения устаревшей лексики. Толстой не просто перечисляет экзотизмы ради колорита, но вплетает их в живую речь и повествование. Например, при изображении народных волнений после смерти царя Фёдора и во время стрелецкого бунта, автор использует народные слова и обороты: **челобитная** (прошение), **правеж** (взимание долга с позором), **сажать на кол** и др. В одном из эпизодов рассказывается, как «*челобитчиков били кнутом перед съезжей избой*», и что «*ох, стрельцы злы...*» – эта фраза, насыщенная историзмами (**челобитчики** – просители, **съезжая изба** – административное учреждение, суд) передаёт жестокие реалии допетровской эпохи [10]. Устаревшие слова здесь не требуют пояснения для русского читателя (благодаря контексту и знанию истории), но значительно повышают эмоциональное воздействие сцены.

Помимо диалогов, архаично-историческая лексика пронизывает и авторскую речь Толстого. В описательных отступлениях автор нередко использует высокий штиль, отсылающий к летописям или древнерусской речи, для оценки изображаемых событий. Показательна сцена, где царь Пётр слушает старые челобитные и указы [11]. Авторская интонация приобретает оттенок усталости старого мира: «*Древней скукой веяло от этих витиеватых грамот, рабыми стопами вопили жалобы. Лгала, воровала, насильничала, отписывалась уставною вязью стародавняя служилая Русь, кряхтела съеденная вшами и тараканами непроротная толща...*». В этом отрывке присутствует ряд стилистических архаизмов: старинное прилагательное **стародавняя** (древняя), словосочетание **служилая Русь**

(указывающее на сословно-служилый слой Московского государства) и характерные для старинной книжной речи инверсии и эпитеты (*рабы стоны, уставная вязь*). Такой языковой прием создаёт эффект «голоса эпохи»: язык самого повествования как бы стареет, показывая контраст между косной допетровской Русью и энергичной, новой Россией, которую создает Пётр. Таким образом, архаическая лексика у Толстого не только предметно точна, но и эмоционально нагружена – она выражает авторское отношение к старине (иронию, драматизм, пафос) и подчеркивает революционный характер петровских преобразований [12,13].

Подводя итог, в романе «Пётр I» устаревшая лексика выполняет прежде всего **описательно-изобразительную и атмосферную функцию**. Историзмы используются для достоверного именования реалий эпохи и создания исторического фона, без которого невозможно представить жизнь героев. Архаизмы и стилизованные обороты речи позволяют придать языку героев и повествователя окраску времени, усилить эффект присутствия читателя в отображаемой эпохе. Стилистическая роль этих элементов здесь в целом реалистична: Толстой стремится не к языковому эксперименту, а к исторической правде и колориту. Как отмечается исследователями, историческая лексика в романе *передает национально-культурные особенности и исторический колорит изображаемой эпохи, воссоздавая реальную историческую обстановку и речь героев*. Благодаря этому роман производит впечатление языковой достоверности и окунает читателя в атмосферу петровского времени.

Архаизмы и историзмы в романе Т. Н. Толстой «Кысь»

Роман «Кысь» Татьяны Толстой представляет собой совершенно иной художественный мир, хотя ему тоже присущ обильный пласт архаичной лексики. Действие романа происходит в постапокалиптической России, отрезанной от прежней цивилизации после глобального катаклизма («Взрыва»). Язык жителей этого нового мира намеренно «одичал» и во многом напоминает речь старинной допетровской Руси. Толстая создает особый художественный язык, в котором перемешаны архаизмы, историзмы, диалектные слова и авторские неологизмы. Такая языковая ткань выполняет важную стилистическую функцию: с одной стороны, она сатирически имитирует возвращение общества в состояние средневековой дикости, а с другой – наполнена иронией и аллюзиями на прошлое России. **Устаревшая лексика** здесь – сознательный художественный приём, формирующий колорит вымышленного времени и позволяющий проводить параллели с реальной историей и культурой [14].

Герои «Кыси» говорят на искажённом русском языке, где можно услышать слова, вышедшие из употребления в современности, но сохранённые в народной речи или известных по литературе. Уже в первых страницах романа читателя встречают такие слова, как **избы, тын** (частокол, забор), **жбан** (кувшин), **валенки, крыльцо** – лексика, характерная скорее для деревенского быта прошлых веков, нежели для будущего. Автор описывает зимний день в Фёдор-Кузьмичске: *«На семи холмах раскинулся городок Фёдор-Кузьмичск... Там и сям – чёрные избы вереницами, – за высокими тынами, за тёсовыми воротами; на кольях каменные горшки сохнут, или жбаны деревянные; у кого терем повыше, у того и жбаны поздоровей, а иной целую бочку на кол напялит, в глаза тычет: богато живу, голубчики!»*. В этом фрагменте Толстая мастерски комбинирует историзмы (**избы, тын, жбан, терем**) с характерным старинным обращением **голубчики** (ласково-фамильярное обращение, устаревшее в современном языке). Речь рассказчика приобретает интонации народного сказа – создаётся впечатление, что перед нами предание или сказочная быль [15]. Архаичные слова не просто обозначают примитивный быт после катастрофы, но и несут иронию: жители гордятся бочками на заборах и обращаются друг к другу «голубчик», как если бы жили в доброй старины, тогда как на дворе фактически постыднейшее средневековье. Стилистическая функция устаревшей лексики здесь двоякая: она одновременно и **моделирует быт** деградировавшего общества, и **иронически цитирует** старинные жанры (народные сказания, классическую русскую литературу).

Толстая вводит в язык героев множество архаических форм и выражений, характерных для фольклорной речи. Например, в разговорной речи персонажей регулярно встречается частица «**али**» в значении союза «или», старомодные междометия и присказки (**ай, ну их к лешему** и т.п.), уменьшительно-ласкательные суффиксы, придающие речи оттенок простонародности. Такое обилие устаревших и просторечных элементов придаёт тексту стилизованную «ладанно-избуish» атмосферу (сравним речь персонажей сказок или былин). Кроме того, автор использует архаические или диалектные названия явлений природы и существ: например, странные мутировавшие звери и растения получают названия по образцу народных прозвищ (червьрь, дергун-трава, и пр.), а таинственное чудовище **Кысь** описывается героями языком старинных легенд.

Показательно отношение героев к смерти и религиозным понятиям – оно отражается в языке через церковнославянизмы и старые эвфемизмы. Так, вместо «умереть» используется слово «**преставиться**» – как говорили в старину. Бенедикт вспоминает свою мать: «*вот из-за тех огнецов и **преставилась, сердешная***». Здесь **сердешная** (ср. «сердечная») – старомодное ласковое обозначение покойной, а само выражение звучит как из уст крестьянки XIX века. Подобные архаизмы добавляют речи героев эмоциональной выразительности и одновременно указывают на отсталость, суеверность этого общества, застрявшего в языковых формах прошлых эпох.

Все повествование в «Кыси» лишено нейтрально-авторского стиля: оно целиком ведётся на языке самого этого примитивного общества, от лица близкого к нему рассказчика. Поэтому художественный мир романа воспринимается как фантазмагория, рассказанная «бытовым летописцем» будущего. В кульминационных или таинственных моментах авторская речь переходит на откровенную стилизацию под сказку. Например, легенда о Кыси подана именно как народное сказание: «*В тех лесах, **старые люди сказывают, живёт кысь**. Сидит она на тёмных ветвях и кричит так дико и жалобно: «кы-ысь! кы-ысь!»*, – а видеть её никто не может. Пойдёт человек в лес, а она ему на шею-то сзади: *хоп! и хребтину зубами: хруть! – а когтем главную-то жилочку нацупает и перервёт...*». Конструкция «**старые люди сказывают**», ономапопея «**хоп!**», звукоподражание «**хруть!**» – всё это характерно для устной народной традиции, былин и сказок. Архаизация языка в данном случае служит созданию **мифологического пласта** в романе: прошлое и вымысел переплетены, и сами жители объясняют непонятное через полусказочные образы. Таким образом, архаичная лексика выполняет у Толстой функции мифотворчества и сатирической пародии одновременно.

Важно подчеркнуть, что в «Кыси» архаизмы и историзмы нередко переплетены с **неологизмами** – новообразованными словами, возникшими в языковой среде выживших (например, *мышевидное копчёное «хлебеце»* или загадочные «огнецы») [13]. Это создает особый языковой сплав. Однако даже неологизмы Толстой часто строит по моделям старой речи. Например, слово «**огнецы**» (буквально «огоньки») — это будто бы народное название неких миражей или огней, от которого героиня суеверно погибает, как от глаза. Подобные выдуманные слова звучат как диалектные архаизмы. Толстая сознательно избегает современного книжного слова там, где можно употребить простонародное или старое: солнце у неё именуется ласково «*солнышко*», свет идёт «*кругалями*» (по-древнему – кругами), снег «*искрится, словно спелые огнецы затрепетали*». Благодаря этому создаётся впечатление, что язык «прежних людей» (до Взрыва) утрачен, и новая культура вынужденно опирается на архаические языковые пласты – сельские, фольклорные, дописьменные.

Стилистическая роль архаизмов и историзмов в «Кыси» многопланова. Прежде всего, они формируют **этнографическую достоверность** вымышленного мира – хотя действие происходит в будущем, речь персонажей намеренно отсылает к прошлому, ибо общество деградировало до полуфеодалного состояния. Кроме того, архаичная речь используется для **иронии и сатиры**: Толстая, по сути, зеркально отражает современность в кривом зеркале архаики [12]. В устаревших формах проглядывают черты современной автору России – бюрократия, бессмысленные обряды, цензура на книги (в романе действует диктатор,

переписывающий старые книги на свой лад). Язык героев, полный архаизмов, подчёркивает ограниченность их мышления, «**благодущие неведения**», в котором они живут. Однако одновременно автор явно испытывает и любовь к этому народному языку: в нём ощутима поэзия старины, игра слов, фольклорная мудрость. Недаром сама Толстая признавалась, что при создании текста её вдохновлял синтаксис писем царя Ивана Грозного и речь деревенских рассказчиков. Эта «дикая энергия» старого языка пронизывает роман, делая его уникальным по стилю.

Таким образом, в «Кыси» устаревшая лексика служит созданию **гротескного постапокалиптического мира**, где прошлое и будущее слились. Архаизмы и историзмы выполняют художественную задачу: они делают язык произведения самобытным, неповторимым, передают *ироническую тональность* антиутопии. Без них роман потерял бы значительную долю своих смысловых слоёв, ведь именно через языковую игру Толстая заложила и сатиру на современность, и размышление о роли языка в сохранении культуры. В отличие от Толстого-историка, Толстая-мифотворец использует устаревшие слова не для реконструкции реальности, а для **конструирования аллюзий** и культурных кодов, читаемых образованным читателем между строк.

Сравнительный анализ

Несмотря на разницу жанров и эпох создания, в обоих рассмотренных романах устаревшая лексика играет заметную роль, однако её **функции и способы использования существенно различаются**.

В историческом романе «*Пётр I*» архаизмы и историзмы являются *неотъемлемой частью реалистической эстетики*. Толстой вводит их, прежде всего, ради **достоверности и погружения в эпоху**. Историзмы называют конкретные предметы и явления петровского времени (чинов, одежду, оружие, денежные единицы, социальные группы), без которых правдивое изображение эпохи невозможно [10]. Архаизмы в речах персонажей придают им индивидуальный голос, соответствующий историческому времени, и создают стилистическое разделение между «старой» Русью и новыми веяниями. Стилистическая функция устаревшей лексики у Толстого – **историко-декоративная и характерологическая**: она украшает повествование историческим колоритом и помогает раскрыть характеры через речь (например, консервативные бояре говорят более старомодно, нежели молодой Пётр или приближённые реформаторы). При этом Толстой соблюдает меру: устаревшие слова понятны из контекста, их ровно столько, сколько нужно для правдоподобия. Язык романа остаётся в целом понятным современному читателю, архаизмы интегрированы плавно.

В «*Кыси*» же устаревшая лексика – это сознательный элемент **языкового эксперимента и сатиры**. Толстая утрирует архаизацию речи: её герои говорят почти как персонажи былин или пословиц, хотя действие разворачивается спустя двести лет после наших дней. В этом видна художественная условность: архаизмы используются намеренно **гиперболизированно**, чтобы создать эффект отчуждения и гротеска. Функция историзмов и архаизмов здесь не столько в том, чтобы показать прошлое, сколько чтобы через стилизацию обнажить вневременные черты российского менталитета, цикличность истории. Язык «Кыси» – это пародийное смешение стилей, где архаическое соседствует с искаженными остатками советского (например, героя называют «*товарищ Перерожденец*» в издевку) и с полным вымыслом. Таким образом, в «Кыси» устаревшая лексика выполняет **аллегорическую функцию**: за старинными словами стоят современные смыслы, и читатель-современник считывает эту игру.

Сравнивая оба произведения, можно отметить, что **историзмы** в «Петре I» и «Кыси» используются по-разному. У Толстого это прямое обозначение реалий (боевые «*стрельцы*», монета «*алтын*», одежда «*ферязь*» – всё по прямому назначению). У Толстой же историзмы зачастую применяются метафорически или в необычном контексте: скажем, слово «*терем*» у неё обозначает просто дом зажиточного горожанина, «*ратые люди*» могут упоминаться шуточно, «*боярин*» – в ироническом ключе (главу города зовут **Фёдор Кузьмич**, что

перекликается с образом самодержца-батюшки). **Архаизмы** в «Петре I» в основном церковнославянские или старорусские слова, придающие речи торжественность (напр., «иконостас», «возгласил», особые грамматические обороты). В «Кыси» же архаизмы часто простонародно-фольклорные («сердешная», «сказывают», «лупит не больно» и т.п.), придающие речи фамильярность или комизм. Иными словами, Толстой использует архаизацию для **серьёзного, эпического эффекта**, тогда как Толстая – для **саркастического и игрового**.

Общее между романами – это то, что и там и там устаревшая лексика служит важным инструментом **создания мира**. И Толстой, и Толстая – внуки богатой русской словесной традиции, и они сознательно черпают из кладовой древнерусского и народного языка для решения художественных задач. В обоих текстах читатель находит удовольствие в своеобразной «словесной археологии»: узнаёт давно забытые слова, погружается в непривычный речевой строй. Но если Толстой стремится минимизировать расстояние между читателем и эпохой (чтобы читатель почувствовал себя современником Петра), то Толстая, напротив, подчёркивает это расстояние (чтобы читатель осознал странность и дикость описываемого общества). В этом – принципиальная разница функций архаизмов в двух романах [8, 15].

Наконец, различается **масштаб и характер влияния** устаревшей лексики на стиль произведения в целом. Язык Толстого многослоен: помимо архаизмов там присутствует и нейтральный повествовательный тон, и экспрессивно-разговорные интонации. У Толстой же практически весь языковой строй – это стилизация, «пестрый лингвистический костюм» из лоскутков старого. В результате «Пётр I» воспринимается как исторический роман, язык которого богаче обычного, но всё же прозрачен, тогда как «Кысь» – как языковой эксперимент, где сама речь героев является одной из главных «действующих сил» текста, порой заслоняя собой сюжет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что архаизмы и историзмы выполняют значимые стилистические функции в обоих романах, однако контекст их применения радикально различен. В **романе А. Н. Толстого «Пётр I»** устаревшая лексика служит прежде всего целям **исторической правдоподобности и художественной реконструкции эпохи**. Толстой добивается через неё создания эффектного исторического фона и речевой характеристики персонажей, приближая язык художественного произведения к языку Петровской эпохи. Архаичные слова органично вплетены в ткань повествования и воспринимаются как естественный элемент описываемого мира. Их стилистическая функция – придание эпической значимости и колорита историческому роману, усиление реализма и эмоционального воздействия на читателя.

В **романе Т. Н. Толстой «Кысь»** архаическая и историческая лексика используется как инструмент **постмодернистской игры и сатиры**. Толстая преднамеренно архаизирует речь, создавая гротескный мир будущего, похожий на далёкое прошлое. Здесь устаревшие слова формируют особый художественный язык, выполняющий одновременно роль *создания атмосферы одичалости* и *аллегорического намёка* на цикличность истории. Стилистическая функция архаизмов в «Кыси» – преимущественно **ироническая и символическая**: через язык, стилизованный под старину, автор выражает критику современных ей социальных явлений и размышляет о культурной преемственности.

Обращение к архаичным пластам лексики обогащает оба произведения, делая их стилевое звучание уникальным. В «Петре I» это придаёт тексту величавость исторической хроники, а в «Кыси» – шарм философской сказки-притчи. Оба автора продемонстрировали блестящее владение словом: историческая и устаревшая лексика в их руках стала мощным средством художественной выразительности. Можно заключить, что в данных романах архаизмы и историзмы выполняют не только декоративную, но и глубоко содержательную функцию – через них раскрывается замысел авторов, будь то оправдание исторических перемен силой (у Толстого) или предупреждение о деградации культуры (у Толстой). Каждое устаревшее слово

на страницах этих книг – это мостик между эпохами, позволяющий читателю ощутить живую связь времен и задуматься о непреходящей силе слова в истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой А. Н. «Пётр I». — М.: Правда, 1985.
2. Толстая Т. «Кысь». — М.: Время, 2009.
3. Виноградов В. В. История русского языка. — М.: Академия, 2000.
4. Кошелев И. И. Архаизмы и историзмы в русском языке. — М.: Наука, 1974.
5. Шмидт Е. В. Русский язык и культура речи. — М.: Высшая школа, 1982.
6. Успенский Б. А. История русского литературного языка. — М.: Наука, 2001.
7. Копылова И. А. Русский язык в художественном дискурсе. — М.: РГГУ, 2005.
8. Михайлова В. П. Архаизм и актуализация в современной русской речи. — М.: Наука, 2003.
9. Соловьёв И. И. История русского языка и культура речи. — М.: Юрайт, 2011.
10. Петров Н. П. Язык и литература: проблемы взаимодействия. — М.: Наука, 1998.
11. В. В. Виноградов, *Историческая стилистика русского языка*. Москва: Высшая школа, 1980.
12. Н. В. Шанский, *Стилистика русского языка*. Москва: Просвещение, 1992.
13. Е. В. Падучева, *Семантика и стилистика*. Москва: Наука, 2003.
14. Л. А. Щерба, *История русского литературного языка*. Санкт-Петербург: Питер, 2007.
15. А. Н. Тихонов, “Архаизмы и историзмы в современной русской прозе,” *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, no. 2, pp. 45–54, 2015.